

Упырь. Да, именно так его и звали с тех пор. Человек без души. Не мёртвый, но и не живой. Человеческую душу он утратил так давно, что сам потерял счёт времени. Его душа умерла в тот самый день, когда он лишился своей любви, когда его предали. Теперь он только существовал, переселяясь из тела в тело, и время от времени жаждал крови. Особенно крови девы. И не только в сохранении силы и молодости было дело. Он ненавидел женщин. Все они — продажные хитрые твари! Им не должно быть места на земле. Играя сердцами влюблённых олухов, предают, безжалостно растаптывая чувства, рвут сердца в клочья. Поэтому он должен истреблять их. Это его миссия в этом мире.

Последняя охота была неудачной. Дева спаслась. И войт опять идёт по следу. Поэтому нужно затаиться и ждать. Терпеливо ждать удобного момента.

Выйдя на заснеженную опушку, Упырь остановился, втягивая ноздрями морозный воздух. Она была рядом, но не одна. Он безошибочно уловил запах своего врага. Подняв руки вверх, прыгнул вперёд, словно ныряя в глубокий снег, и... обратился в волка. Громадный рыжий зверь с пронзительными синими глазами стоял на лесной поляне. Рыжая шерсть казалась пламенем на девственном серебре снега, искрящегося в свете луны.

***

Когда-то старый дед предупреждал его.

— Сынок, ты должен знать, что это дар и проклятие нашего рода, — говорил старик. — Но будет ли то во благо или во зло, решить должен ты сам. Не переступай грань, и это станет даром. Ты сможешь чувствовать то, что другим недоступно. Всякий звук услышишь, запах учуешь. Но если ты дашь зверю волю над человеком, то утратишь себя. Помни об этом, Волк. Но сейчас он не мог мыслить трезво. Обида захлестнула всё. То, что он раньше считал своим, у него отняли. Нет, не просто отняли, его предали. Растоптали его любовь, вынули и сломали душу.

Ветки больно хлестали по лицу, но он не замечал этого и упорно двигался вперёд, не разбирая дороги. Краса... Как она могла, как посмела?! Кулаки сжимались так, что ногти впивались в мозолистые ладони. Широкие брови сошлись на переносице, и тяжёлый взгляд беспокойно метался, словно пытаюсь отыскать что-то. Перед глазами стояла она, её лицо, её тело с розовыми острыми вершинами груди, разгорячённых и напрягшихся от его губ, огненные волосы, разметавшиеся на постели, манящие гибкие руки с тонкими перстами — вся она бесстыдно раскинутая, разомлевшая от его ласк, утомлённая им за долгую бессонную ночь.

— Как ты могла?! — едва войдя в избу, он бросил этот вопрос ей в лицо и до боли сжал её плечи.

— Ты о чём? — Краса распахнула глаза, стараясь изобразить удивление, но страх метался на самом доньшке зелёных очей.

— Змея! — взревел он и затряс её так, что повойник слетел с головы и две толстые рыжие косы точно змеи сползли на плечи.

Потом прижал её к себе, звериным чутьём безошибочно улавливая запах другого мужчины, и сразу, сражённый невероятной догадкой, тяжело дыша, оттолкнул на скамью. У него

перехватило дыхание, и он понял, что сейчас не имеет сил, чтобы сдержать то, что было его вторым Я.

— Волк! — она бросилась к нему и, упав на колени, обняла его ноги. — Волк, я не... не...

Он одним рывком поднял жену и смял её губы неистовым, злым поцелуем. Она, задыхаясь, стала вырываться. Но он, подхватив, опрокинул её на ложе, стоявшее за печкой. **БЫТЬ!** Будь проклят! Проклят! Проклят на веки вечные!

***

— И что же, точно это был волк? — Маша выжидательно смотрела на деда.

Он сидел напротив неё. Они ужинали.

— Да, прям, болтают только, — поморщившись, отмахнулся старик.

— Деда, но ведь я сама видела... — возразила девушка.

— Ага! Видела! Со страху девке ночью и не такое померещится! Это ж надо было дотумкать, — он постучал себя кулаком по лбу, — в темень переться пешком по тайге!

— А как быть? Машина же заглохла? И тут идти-то всего два шага, — не уступала Мария.

— Заглохла, вот и сиди в ней. А утром пришла бы, — старик подлил себе чаю и категорично добавил: — Нет у нас волков. Нет. Да я же тут каждую тропку знаю. Последнего волка убили, когда я шкетом был лет двенадцати.

— Деда... — девушка робко посмотрела ему в лицо, — ну, хорошо... Допустим, мне показалось... Но я слышала же, что у погибшего горло было перегрызено...

— Вот, что, девонька, не то ты слушаешь! — резко отрезал Иван Трофимыч. — На это полиция есть. Они разберутся! Вон, участковый уже рыщет, кстати, обещался завтра к нам зайти. Так что уйми свои фантазии, Мария!

— Дедуля, — она обняла дедушку, — ну, чего ты сердишься-то? Всё же обошлось.

— Ага, обошлось! Кабы не Леший, так валялась бы ты сейчас в овраге с переломанными ногами.

— Леший?! — удивилась девушка. — Что вот так прямо и леший?

— Ну... прозвище у него такое, — поморщился Трофимыч, отводя взгляд.

— А он местный? — осторожно спросила, напуская нарочито равнодушное выражение.

— Нет, лет десять как появился у нас. Бирюк бирюком... И лохматый, точно леший. Так-то он смиренный мужик... Но всякое болтают...

— Болтают? — Мария уже не скрывала интереса. — А что?

— Хм, — Иван Трофимыч усмехнулся, глядя на внучку, — вот ведь любопытная! Ешь лучше!

— Я ем, ем. Так что болтают-то? — Маша чуть округлила глаза, стараясь скрыть своё любопытство, и отхлебнула остывший чай.

— Ну, говорят, будто он... ну, странный...

— Что значит — странный, дедуль?

— А ну тебя! — Трофимыч махнул рукой и вышел во двор.

Уклончивый ответ деда Машу не удовлетворил. Наоборот, ещё сильнее разжёг любопытство. Но она больше не решилась расспрашивать. Дед ведь кремень, хоть калёным железом жги, не скажет. Вон и про руку свою скрывает, а Маша ведь сразу поняла, что рука болит. Вчера заметила, что у него там рана. Нет же, упрямец! Не показывает.

Как Трофимыч ни пытался убедить внучку, что волков в окрестностях нет, это оказалось напрасным. Слухи один ужаснее другого поползли по району. Рыжего зверя с красными глазами видели всё чаще. Нет, он больше не нападал, только иногда выскакивал на дорогу и,

напугав до полусмерти проезжавших, скрывался в лесу. Несколько раз по ночам Мария слышала вой. Он напоминал ей тот же, что она слышала тогда, в избушке Георгия.

Георгий... Леший... С того дня, когда привёз её в Демьяновку, они виделись всего один раз — он пригнал её авто. Сухо поздоровался и ушёл. Интересно, почему он её избегает? Мария до сих пор помнит вкус его поцелуя. И каждый раз эти воспоминания заставляют сжиматься горячую пружинку между бёдрами, девушка загорается и краснеет от одной мысли о том, что тогда могло бы у них произойти. Почему он оттолкнул её? Она о сих пор не может отделаться от чувства, что он словно испугался чего-то, будто боялся навредить ей.

Мысли были прерваны звуком хлопнувшей двери. Мария выглянула из своей комнаты, деда не было. Странно... Она заметила, что он отлучается куда-то каждый вечер. Утром, когда она просыпалась, он обычно уже сидел за столом и пил чай. Девушка терялась в догадках, но спросить прямо не решалась. В конце концов тут могла быть замешана женщина. Ну, да, её деду шестьдесят пять, но он крепкий мужчина и очень видный, а в деревне есть совсем ещё молодые женщины, которым едва за сорок. Спросить прямо означало поставить его в неудобную ситуацию.

— Ничего плохого в этих отлучках нет, — успокаивала она себя. — Дедушка имеет право на личную жизнь. Если захочет, расскажет сам.

Но сегодня ей стало тревожно. Маша быстро набросила пуховик и выскользнула на улицу. Оглядев пустынный двор, вышла за калитку и пошла по дороге. Дом Трофимыча стоял на самом краю деревни. Девушку словно что-то вело. Она и сама не заметила, как очутилась у границы леса. Огляделась и пошла обратно. Вдруг какая-то тень, мелькнувшая в кустах, привлекла её внимание. Страх холодком пробежал по телу. Но вместо того, чтобы припустить со всех ног, она замерла и стала вглядываться в кусты. Там кто-то был. Зверь или человек? И он приближался. Мария не двигалась: ноги словно онемели, приросли к месту.

И вдруг кусты раздвинулись, и перед девушкой вырос громадный совершенно чёрный волк. В этом не оставалось сомнений — именно волк, не собака. Маша сразу узнала его. Это он спас её тогда. Спас? Или хотел отобрать для себя? Но его глаза... Девушке показалось, что он будто зовёт её. Это не был взгляд хищника. Но и на взгляд собаки он тоже был непохож.

Неожиданно он шагнул к ней. Странно, но страх, до этого владевший ей, пропал. Девушка протянула руку и дотронулась до его лба. Волк, громадина, доходившая ей до груди, разрешил себя погладить, словно был безобидным дворовым псом.

— Спасибо... — вдруг проговорила Мария. — Ты спас меня.

Он смотрел так, как будто понимал её слова.

— Но я не понимаю... Неужели волки могут спасать людей? Или... ты чего-то хочешь от меня? Молчишь... — девушка вздохнула, её рука как-то сама собой потрепала его за ухо, и он закрыл глаза, явно довольный этой лаской.

— Я верю тебе... Ты — друг...

Едва она это сказала, как он повернулся и пошёл к кустам. Потом остановился, оглянулся, внимательно поглядел на неё и скрылся в лесу. А Мария долго стояла, не могла уйти с этого места, словно что-то удерживало её. _____ * Вымесок

— выродок, окаём — отморозок. ** Нефырь — неудобный, непотребный.

Иллюстрации автора. Жду ваших комментариев, уважаемые читатели.